

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертационное исследование Ускова Григория Викторовича «Североафриканские провинции Римской империи в период принципата Антонинов», представленное к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2 – Всеобщая история

Современный мир стремительно меняется на наших глазах, причем далеко не всегда эти изменения имеют позитивный характер. В такое время внимание не только ученых, но и широкой общественности часто привлекают периоды хотя бы относительного мира и стабильности в мировой истории. В этом отношении классическим примером является так называемая эпоха Антонинов, с легкой руки Э. Гиббона именуемая «золотым веком» Римской империи. Поэтому комплексное исследование развития в то время столь важного региона державы, как африканские провинции, вполне актуально и заслуживает одобрения.

В отечественной научной литературе до настоящего времени исследовались лишь отдельные сюжеты, посвященные африканским провинциям Рима. Поэтому тема диссертации Г.В. Ускова отличается безусловной научной новизной.

Диссертация состоит из введения, четырех глав основной части, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и литературы и двух приложений. Общий объем работы составляет 199 страниц. По теме диссертации опубликовано 16 работ, из них 4 — в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Во введении дано обоснование темы исследования, его актуальности и новизны, указано на объект и предмет исследования, сформулированы цель и задачи работы, определены территориальные и хронологические рамки исследования, его методологическая основа. На первое место в характеристике источниковой базы исследования автор поставил эпиграфический и археологический материал. Это следует признать справедливым, поскольку в отношении африканских провинций нарративные источники, как правило, менее информативны.

Что касается произведений античных авторов, то в диссертации использован весь доступный массив нарративных источников, от Тацита и Плиния Младшего до Аврелия Виктора и Евтропия, обойден вниманием разве что Орозий. В качестве замечания можно указать, что диссертант, как правило, дает лишь общую характеристику каждого из этих источников, вместо того, чтобы охарактеризовать степень его важности именно для заявленной темы исследования и поставленных в диссертации проблем.

Положительной чертой диссертации, несомненно, является и использование нумизматического материала. Можно лишь отметить, что известное издание «Roman Imperial Coinage» (RIC) является не сборником, как указано в работе Г.В. Ускова (с. 32), а многотомным корпусом римских монет императорского времени.

Вполне квалифицированно автором рассмотрена степень разработанности поставленной проблемы в зарубежной и отечественной историографии. Таким образом, введение в целом отвечает своему назначению,

В главе 1 рассмотрена административная система африканских провинций Рима.

Хорошо известно, что еще Август при политическом урегулировании 27 г. н.э. сосредоточил подавляющее большинство вооруженных сил Рима в провинциях, которыми император управлял непосредственно, через своих наместников, в большинстве своем в ранге *legatus Augusti pro praetore*. Единственным исключением являлась как раз *Africa proconsularis*, сенатская провинция, проконсулу которой был подчинен дислоцированный в ней *legio III Augusta*. Со времени Калигулы, что отмечено и в диссертации, это воинское соединение было выведено из подчинения наместнику провинции и подчинено императорскому легату. По мнению Тацита, это было сделано из-за подозрительности императора, который намеренно не разграничил полномочия проконсула и легата, чтобы между ними сохранялось соперничество, выгодное центральной власти. Реальная же власть в большей мере принадлежала легату (Тас. *Hist.* IV.48.1–2).

Проконсульская Африка в этом отношении была уникальным явлением: под легатом подразумевается не просто командир легиона (*legatus Augusti legionis*), а, как показывает эпиграфический материал, *legatus Augusti pro praetore* — эта должность обычно принадлежала наместнику крупной вооруженной провинции. Отсюда понятно, что этот легат командовал не только дислоцированным в провинции легионом, но и всеми ее военными формированиями, тогда как проконсул был, говоря по-современному, главой гражданской администрации.

Тезис диссертанта о «двоевластии» вполне подтверждается не только Тацитом, но и реальным эпиграфическим материалом, как видно из текста диссертации. Может быть, стоило более отчетливо подчеркнуть, что, при всем этом, старшим должностным лицом считался проконсул провинции, то есть имел место классический случай несовпадения реальной власти, принадлежавшей легату, и формальной, которая числилась за проконсулом.

Легионный легат мог временно исполнять обязанности наместника провинции в случае внезапного смещения или смерти такового, такие факты имели место как в Британии во время гражданской войны 68–69 гг. и при Домициане, так и в Сирии при Нерве, но это было исключением, а не правилом. К Африке времен Антонинов столь экстраординарные случаи не относятся, и то обстоятельство, что установленный Калигулой в *Africa proconsularis* порядок сохранился и в дальнейшем, в том числе при Антонинах, показывает, что, с точки зрения центральной власти, он был вполне целесообразен.

В главе 2 рассматриваются местные органы самоуправления в городах Северной Африки и политика римских властей по отношению к берберским племенам. Эта часть работы содержит немало интересных наблюдений. В частности, это касается того факта, что в африканских городах, не имевших

муниципального статуса, до II века сохранялись магистратуры карфагенского происхождения. Трудно спорить и с тем, что в городах Северной Африки действовать общегосударственные тенденции, которые в период домината привели к фактическому закреплению сословия декурионов. Правда, мнение автора о том, что уже при Антонинах «городская элита начала избегать магистратур, которые воспринимались как повинность, а не почесть» (с. 95) нуждается в доказательствах. Ссылка на «Дигесты» (с. 93) не убеждает, поскольку отражает ситуацию, характерную для более позднего времени.

Римская практика переселения кочевых племен, на взгляд диссертанта, в большинстве случаев имела целью заставить берберов вести оседлый образ жизни, чтобы ускорить их романизацию путем активного экономического взаимодействия с городами и виллами. Правда, здесь же автор оговаривается, что «Рим вряд ли пытался сделать носителями римских ценностей все коренное население Африки» (с. 103).

Разумеется, такого рода размах — с целью романизации всего Черного континента — римлянам в голову не приходил; следовало бы уточнить, что речь идет лишь о трех африканских провинциях. Что же касается гипотетического стремления римской администрации заставить кочевников осесть на землю, то этот интересный тезис нуждается в весомых доказательствах. Для реализации такого плана требовалось немалое количество свободной или малонаселенной плодородной земли, снабженной ирригационными сооружениями, и масса усилий со стороны римлян, чтобы приучить потомственных скотоводов к совершенно непривычным им занятиям. В диссертации остается открытым вопрос, было ли все это у римлян в наличии, а, главное, желали ли они сами идти столь тернистым путем?

На мой взгляд, более справедлива точка зрения, высказанная в новом издании *Cambridge Ancient History*: римляне, конечно, поощряли усвоение провинциалами культуры завоевателей, однако прилагали мало усилий, чтобы побудить даже элиту покоренных народов к желательным для новых хозяев изменениям. «Поэтому темпы, которыми любой индивидуал или община усваивали новый образ жизни, в сущности, были делом личных наклонностей. Если только существовавший стиль жизни и поведения устраивал римскую администрацию, а налоги платились, то никаких изменений и не требовалось» (*Wacher J. Britain 43 B.C. to A.D. 69. In: САН². 2008. P. 515*).

Диссертант указывает: «Ко II веку нашей эры активно распространяется практика переселения тех или иных племен на определенные участки границы. Нам известны примеры переселения племен мусуламиев, нибгениев и субурбуров» (с. 97). Отсюда напрашивается вывод, что переселение подвластных племен диктовалось в первую очередь стратегическими соображениями по защите границы от набегов кочевников Сахары.

Разумеется, надо учитывать, что римское господство в Северной Африке ко времени Антонинов длилось уже достаточное время, чтобы знать подвластных им племен могла оценить собственную выгоду от сотрудничества с хозяевами положения. Диссертант совершенно справедливо отмечает, что у Рима был для привлечения племенной знати надежный инструмент, который

активно использовался — дарование римского гражданства (с. 103). Правда, опираясь на этот бесспорный факт, М.В. Усков делает достаточно спорный вывод: «Таким образом, включение в состав имперской элиты вождей кочевников активно практиковалось римскими властями» (с. 107).

Если считать имперской элитой сенаторское сословие, то в подтверждение этого вывода можно привести только один факт: карьеру знаменитого военачальника Лузия Квиета, предположительно бывшего племенным вождем на родине, сенатора и консуляра при Траяне. Однако единичного случая для столь радикального заключения недостаточно. Можно предположить, что вожди кочевников, становясь римскими гражданами, могли быть инкорпорированы лишь в региональную элиту, шансов выйти на общегосударственный уровень у них было немного, если они вообще были. Для сравнения следует отметить, что даже вассальные цари, «друзья цезаря и римского народа», могли, кроме римского гражданства, получить лишь ранг военного трибуна и инсигнии римского всадника, не более того. Император Септимий Север, видный администратор и военный времени последних Антонинов, будучи уроженцем Проконсулярской Африки, к кочевникам не имел никакого отношения.

Характеристика экономики африканских провинций в главе 3 принципиальных возражений не вызывает. Автор указывает: «На основе изучения различных литературных, исторических, археологических и эпиграфических источников можно утверждать, что африканское сельское хозяйство, стимулированное императорами, сыграло свою роль в установлении «золотого века» Антонинов» (с. 120). Правда, из текста главы не видно, что вышеуказанные источники были столь капитально проработаны, положения и выводы автора в основном базируются на литературе вопроса. Очевидно, приведенное выше утверждение является скорее заявкой на будущее и нуждается в более основательных доказательствах.

Глава 4 рассматривает культурно-идеологическую специфику африканских провинций. В частности, дается характеристика архитектуры и искусства на их территории. Следует заметить, что в данном случае специфики как раз и не видно, диссертант описывает североафриканские города, подчеркивая, что их планировка и архитектурное оформление соответствовали общеимперским нормам. Единственная деталь, оправдывающая название главы — это то, что «они имели свою североафриканскую специфику в декорировании» (с. 132). Однако необходимый для доказательства этого тезиса архитектурный декор не анализируется, иллюстрации, которые здесь буквально напрашиваются в качестве приложения к диссертации, отсутствуют, так что утверждение автора выглядит голословным.

То же самое можно сказать и о некоторых других положениях работы. К примеру, указывается, что «в африканских городах было построено довольно много театров, больше, чем амфитеатров» (с. 130). Ни конкретной статистики, ни иллюстраций не приводится, хотя, в случае подтверждения этого тезиса, можно было сделать вывод о том, что жители североафриканских городов

выгодно отличались по своему культурному уровню от большинства городского населения римского Запада, да и самой столицы.

Иногда диссертант прибегает к неправомерному обобщению случаев, которые могут быть единичными. Утверждая, что «в изучаемый период выходцами из Африки были многие представители культурной элиты Римской империи», он приводит в подтверждение этого всего два примера — юриста Сальвия Юлиана и Корнелия Фронтонa, одного из наставников Марка Аврелия. Далее следует вывод, который не вытекает из логики изложения материала: «Таким образом, мы действительно можем констатировать наличие диалога культур на территории Северной Африки при Антонинах» (с. 132). На взгляд читателя этих строк, диалог культур, в данном случае римской и берберо-финикийской, здесь явно не просматривается.

По мнению диссертанта, «население городов североафриканских провинций, так же, как и население других частей Римской державы, в массе своей было не против исполнять императорский культ, если это давало выгоду для своей муниципии, колонии, общины» (с. 129). Отсюда нетрудно сделать вывод, что население могло уклониться от участия в императорском культе, если это было ему (населению) невыгодно.

Но чуть ниже, на той же странице, автор указывает: «Таким образом, постановка статуи была актом лояльности со стороны города, показывавшего свои верноподданнические чувства», и это, разумеется, верно. Хорошо известно, что участие в церемониях, связанных с поклонением гению императора, было обязательно для всех подданных. Исключение составляли лишь иудеи, с их особым статусом в Римской империи. Для всех остальных уклонение от участия в императорском культе приравнивалось к государственной измене и каралось соответственно, достаточно вспомнить о политике властей по отношению к христианам. Таким образом, в данном случае речь не должна идти о какой-либо выгоде или невыгоде.

Заключение диссертационной работы дословно повторяет положения, выносимые на защиту и содержащиеся в автореферате диссертации (с. 5–6). Думаю, что это едва ли справедливо, поскольку в последнем разделе исследования стоило, вместо их повторения, в первую очередь изложить основные аргументы, подтверждающие, что каждое из этих положений доказано.

Позволю себе еще несколько критических замечаний, относящихся к диссертационному исследованию.

Автор активно использует эпиграфический материал для доказательства положений и выводов диссертации, что, безусловно, является положительной чертой данной работы, и самостоятельно работает с оригинальными текстами. Однако, давая свой перевод, следовало бы внимательней отнестись к терминологии того времени; в противном случае неизбежны неточности, что и имеет место в ряде случаев.

К примеру, анализируя на с. 68 диссертации надпись в честь Марка Валерия Максимиана, посвящение *c(larissimo) v(iro) / co(n)s(uli) des(ignato) innocent(i) / praesidi* диссертант переводит как «честнейшему мужу назначенному консулом защитнику невинных» (пунктуация оригинала сохранена).

В действительности же *vir clarissimus* («светлейший муж») – это традиционное обозначение сенаторского достоинства. Приведенный перевод можно истолковать так, что некий консул назначил Максимиана защитником каких-то загадочных невиновных (?). Реальный смысл здесь искажен до неузнаваемости. На деле титул *consul designatus* относится к самому Максимиану, перевести его следует как «десигнированный консул», то есть назначенный, но еще не вступивший в должность. Выражение *innocenti praesidi* тоже имеет в виду Максимиана и переводится как «бескорыстному наместнику», что во все времена было редкостью, поэтому отмечено авторами надписи особо. Таким образом, данный фрагмент надписи должен переводиться так: «светлейшему мужу, десигнированному консулу, бескорыстному наместнику».

По сравнению с этим казусом, перевод указанной в той же надписи жреческой должности *flamen perpetuus* как «постоянный фламин» можно считать верным, хотя «пожизненный жрец» все же будет точнее.

Буквализмы и прямые неточности имеют место при переводе диссертантом и других эпиграфических текстов. В качестве примера можно взять приведенную на с. 62 диссертации надпись и ее перевод Г.В. Усковым: *[E]x auctori[tate] Imp(eratoris) Nerva(e) Traiani / Caes(aris) Aug(usti) Ger(manici) Dacici / L(ucius) Minicius Natalis / leg(atus) Aug(usti) pro pr(aetore) / inter Aug(ustum) et / Musul(amios) XXXI / p(roximo) m(ilia) p(assuum) VI DCCC(passus)* («По милости императора Нервы Траяна Цезаря Августа Германского и Дакийского Луций Муниций Наталис, легат Августа в ранге пропретора между Августом и Мусуламиами 31. 806 миль.»).

Многое в этом переводе вызывает недоумение. Формула *ex auctoritate* означает «по приказанию», никакая «милость» здесь не подразумевается по определению. Не объясняется, к чему относится число XXXI. Слово *p(roximo)* оставлено без перевода, зато в переводе числительные стоят в таком порядке: «31. 806 миль». Если автор диссертации считает, что эти цифры означают общую протяженность дороги, то в результате получается число, превышающее длину земного экватора. Между тем, вполне понятно, что надпись высечена на 31-м милевом столбе дороги, от которого до конечного пункта оставалось 806 римских миль (около 1192 км), и эта информация имела вполне практическое значение. Таким образом, общая протяженность данной дороги составляла $31 + 806 = 837$ римских миль (примерно 1237 км).

Встречаются неточности в императорской титулатуре и не только в ней. Так, надпись CIL. VIII. 22050 переведена следующим образом: «Император Цезарь, сын божественного Траяна Парфянского, внук божественного Нервы Траян Адриан Август, великий понтифик, народный трибун 7 раз, консул 3 трижды, дорогу от Карфагена до Тевесте построил с легатом Августа в ранге пропретора III Августа легиона Публием Метилием Секундом.».

Общий смысл этого несложного латинского текста передан верно, но дьявол, как известно, прячется в мелочах. Указание на трибунскую власть Адриана вовсе не означает, что он семь раз избирался народным трибуном. Со времени Августа полномочия народного трибуна были отделены от самой магистратуры и перенесены на императора как на воплощение суверенитета

римского народа и верховного защитника его прав. Поэтому корректно перевести титул *tribunicia potestate VII* как «в седьмой год трибунской власти», с момента получения которой императоры вели отсчет своего правления. Загадочное «консул 3 трижды» (*cos. III* — конъектура издателя надписи) в действительности означает «троекратный консул»: Адриан, в отличие от некоторых своих предшественников, коллекционировать число своих консулатов не собирался и до конца правления ограничился тремя, в последний раз заняв должность ординарного консула в 119 году.

Сказуемое *stravit*, перфектная форма глагола *sterno*, означает не «построил», а «вымостил» дорогу от Карфагена до Тевесты. Если судить только по предложенному переводу, то можно прийти к ошибочному заключению, что император Адриан лично занимался там дорожным строительством, да еще на пару с Метилием Секундом, занимавшим должность легата III легиона в ранге пропретора.

Как уже указывалось, должность *legatus Augusti pro praetore* была уникальной для сенатской провинции, какой являлась Проконсульская Африка, формальным главой которой считался проконсул. Полномочия императорского легата на этой территории выходили далеко за рамки обязанностей обычного командира легиона, поэтому именовать его «легатом Августа в ранге пропретора III Августова легиона» неверно, такой должности в римской императорской армии просто не существовало.

Если учесть, что задача переводчика — верно передать на русском языке мысль автора оригинала, то правильный перевод этой части надписи должен выглядеть так: «... вымостил дорогу от Карфагена до Тевесты силами III Августова легиона, под началом Публия Метилия Секунда, легата Августа в ранге пропретора».

Приведенные примеры, которые при желании можно умножить, свидетельствуют о том, что впредь диссертанту необходимо более тщательно работать с эпиграфическим материалом, чем это продемонстрировано в диссертации. Это тем более важно, что анализируемая проблема перспективна в плане дальнейшей разработки, а основные источники по ней именно эпиграфические.

Не всегда оправданным выглядит приведение автором в тексте диссертации многочисленных латинских надписей в оригинале, которое загромождает текст и затрудняет понимание логики изложения материала. Следовало бы цитировать надписи в действительно необходимых случаях, а в остальных приводить русский перевод. Наиболее важные в качестве доказательства положений автора эпиграфические памятники вполне возможно было вынести в приложение, вместо того, чтобы помещать там многочисленные фотографии маловыразительных обломков надписи из Ламбезиса, содержащей известную речь Адриана, обращенную к воинам III Августова легиона.

Оценивая диссертацию в целом, следует отметить, что автором проделана большая исследовательская работа, которая заслуживает положительного отзыва. Высказанные выше замечания в основном касаются частных или

носят рекомендательный характер. Материал изложен хорошим литературным языком, опечатки встречаются редко.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в научно-исследовательской работе, в преподавании общих курсов истории Древнего мира, истории Древнего Рима, а также специальных курсов. Сама тема перспективна в плане дальнейшей ее разработки.

Автореферат и публикации автора отражают основные положения и выводы диссертации, которые в достаточной степени апробированы на всероссийских и международных конференциях.

Таким образом, диссертация Г.В. Ускова представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для исторической науки. Диссертация представляет собой оригинальное, законченное научное исследование, в котором получены новые обоснованные результаты.

Диссертация Г.В. Ускова «Североафриканские провинции Римской империи в период принципата Антонинов» является научно-квалификационной работой, отвечающей критериям, сформулированным в п. 9 Положения о порядке присуждения ученых степеней от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор, Усков Григорий Викторович, заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2 – Всеобщая история.

Официальный оппонент:
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры Церковной истории
Саратовской православной духовной семинарии

Виктор Николаевич Парфенов

22.08.2022.

Адрес места работы:

Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования «Саратовская православная духовная семинария Саратовской Епархии Русской Православной Церкви», 410028 Россия, Саратов, ул. им. Мичурина И.В., д. 92.

Телефон: (8452) 49-18-44

Электронная почта: Kanzspds2@yandex.ru.

Подпись профессора В.Н. Парфенова заверяю:
Зав. канцелярией СПДС

Г.Е. Ларюкова